

Текст памятника письменности как источник исторических и лингвистических знаний (Есиповская летопись)

Семнадцатый век – один из важнейших и интереснейших этапов в истории русского литературного языка. В это время происходит интенсивное формирование национального русского языка – с одной стороны, полностью сохраняется литературно-языковая преемственность, с другой, возможно полное ослабление, а иногда и распад литературно-языковой традиции. Необходимость описания и анализа особенностей книжно-литературного языка данного периода очевидна. Эту задачу можно решить, лишь предварительно изучив все стороны языка отдельных памятников письменности. Разноплановые, нередко противоречивые процессы наиболее ярко прослеживаются в языке памятников, стилистически неоднородных. Именно поэтому представляется целесообразным анализ летописного материала – Сибирских летописей XVII в. Русский язык Сибири XVII в. изучен мало, хотя рассмотрение языковых процессов, протекающих в периферийных, отдаленных от центра Московского государства районах, чрезвычайно интересно. Когда и в каких формах процессы языковой унификации и нормализации отразились в языке Сибирских летописей – проблема, без разрешения которой картина формирования национальных восточнославянских языков не будет полной.

Появление памятников литературы, описывающих историю завоевания и колонизации Сибири, связано с именем первого сибирского архиепископа Киприана и учреждением в 1621 г. Сибирской архиепископии. С целью создания местных святынь Киприан собирает достоверные сведения о первых завоевателях Сибири. На этом материале создается подробный «Синодик» для провозглашения «вечной памяти» участникам похода Ермака. Предназначался Синодик для тобольской Софии – храма, который, по замыслу Киприана, должен был стать центром местного летописания. В 1636 г. по ходатайству архиепископа «прославление» Ермака и его казаков утверждается центральной государственной властью. В связи с этим в том же 1636 г. появляется литературное произведение, идеологически направленное на создание «жития» нового святого – Ермака. Это так называемая Есиповская летопись – по имени ее автора Саввы Есипова, дьяка тобольского архиерейского дома. Сведения о его жизни и деятельности практически отсутствуют. Предположительно, он занимал должность дьяка при архиепископе Макарии /1625-1635/, в свите которого, возможно, и прибыл в

Сибирь. Последнее упоминание о Есипове относится к 1643 г., когда по поручению архиепископа Герасима он привозит в Москву документы о восстании в Нарыме. Перу Саввы Есипова принадлежат, помимо Есиповской летописи, ранняя редакция «Сказания о явлении Абалацкой иконы Богородицы» и, вероятно, «Повесть о городах Таре и Тюмени». Во всяком случае, для всех этих произведений характерна идеологическая и стилистическая близость, стремление «просветить» читателя основами христианского учения, прославить становление христианства на Сибирской земле, а также общность литературных источников

Сюжет Есиповской летописи полностью соответствует авторскому замыслу. О предыстории похода автор не упоминает, поскольку изображение земной жизни Ермака, по-видимому, может разрушить создаваемый образ божественного избранника. Хотя и сама летопись и Синодик /записанный в конце летописи/ показывают, что до попыток Киприана восстановить события похода Ермака уже существовали как обширная устная литература, так и какие-то письменные памятники, списки и создатели которых остаются неизвестными: «написахъ ино с летописца татарского, ино достоверными мужы испытовахъ», «ино же написахъ с писания прежь мене списавшаго». Ход событий непосредственно связан с вполне естественной для данного произведения развязкой – гибелью противника Ермака царя Кучума. Как видим, в основу положен широко известный мотив о божественном наказании грешника. Оканчивается летопись сообщением об основании тобольской епархии и о приезде в Сибирь первого архиепископа Киприана. Все построение Есиповской летописи свидетельствует о том, что она создавалась, прежде всего, как политическая история Сибири и стоит в ряду официальных мероприятий русского правительства, проводимых в 30-х гг. XVII в. в связи с осознанием значения Сибири. Цели и условия создания памятника определяют не только идеологическое направление, но и стиль. Это уже не просто летописное произведение, а, скорее, историко-литературно-географический труд.

Особый интерес в изучении языка Есиповской летописи представляет также анализ языка ее редакций, некоторые из которых вполне могут выступать самостоятельными литературными произведениями. Помимо Основной, чьим автором является Савва Есипов, существуют еще четыре редакции, представляющие собой позднейшие версии основного списка, обработанного идеологически и стилистически.

Уже в середине XVII в. появляется первая переработка Основной редакции Есиповской летописи – Абрамовский вид. Допуская некоторую стилистическую правку, автор сокращает Синодик в конце летописи, вносит незначительные

добавления в описание обычаев жителей Сибири, в рассказ о побеге Кучума. В целом, все эти добавления не затемняют общей с Есиповым идеологической направленности. Лихачевская редакция создана во 2-ой половине XVII в. Автор своеобразно соединяет текст Есиповской летописи со сведениями Строгановской, где инициатива в завоевании Сибири приписывается пермским промышленникам Строгановым, привносит целый ряд добавлений из не дошедших до нас источников, но и пользуется, несомненно, устными рассказами о приходе казаков в Сибирь. Так, путь казаков от Волги до Чусовой описывается более детально, что дало основание историкам считать автора этого варианта «устной летописи» одним из членов отряда, оставшихся у Ермакова городища на Урале. Устная же передача фактов послужила причиной их фольклорной трансформации. Части, сюжетно связанные с Есиповской летописью, обрабатываются стилистически.

Не позднее конца XVII в., как было установлено учеными, появляется Забелинская редакция. Интересна она, в первую очередь, тем, что представляет собой беллетристическую обработку Основной редакции. Редактор перерабатывает книжные цитаты в плане их упрощения и приближения их по стилю к устно-поэтической системе художественных средств. Вводится прямая речь, пишутся диалоги, вводятся мелкие детали. Все элементы не имеют новых источников, а создаются из словесного материала Основной редакции. Особенно важна переработка главы о пришествии Сейдяка, сделанная, по-видимому, на основе местной тобольской легенды. Документально-книжной стилистической обработкой Есиповской летописи Основной редакции является и Титовский вид, созданный не позднее рубежа XVII-XVIII вв.²

Языковые особенности памятников XVII в. рассматривали многие исследователи. Лексика детально анализировалась О.Г.Пороховой, П.Я.Черных, Н.А.Орловой. В частности, О.Г.Порохова – автор монографии «Лексика Сибирских летописей XVII в.». Грамматические особенности памятников этого периода изучали Г.А.Хабургаев, О.Л.Рюмина, Л.С.Андреева, Ю.В.Лигай, М.П.Моранькова, А.А.Мирецкий. Однако этими авторами особенности языка сибирского летописания XVII в. разработаны и систематизированы не были. При анализе языковой ситуации в своих статьях и монографиях они опирались, в первую очередь, на данные о языке Сибирских летописей, собранные Ю.В.Фоменко и проанализированные в его кандидатской диссертации «Язык Сибирских летописей XVII в. /наблюдения над морфологическим строем/».

По мнению Г.А.Хабургаева и О.Л.Рюминой, лексика – наиболее подвижный уровень, относительно легко поддающийся различного рода влияниям, лексические

заимствования оказываются просто необходимыми в периоды бурного культурного развития и при этом не меняют заимствующей языковой системы; фонетика – связана с характерными для данной эпохи нормами произношения. Решающее же слово при анализе языковых особенностей письменного текста остается за показателями грамматического уровня³, поскольку грамматические формы сохраняют следы предыдущего языкового состояния, свидетельствуют, что в ряде случаев старое сосуществует с новым. Это особенно важно для изучения русского литературного языка XVII в. – начального периода кодификации норм литературного языка. Причем под кодификацией следует понимать в данном случае, прежде всего, стремление к определенной стабильности характеристик определенных типов текстов.⁴

В развитии и становлении грамматического строя одну из основных ролей играет упорядочение системы склонения существительных, ее унификация, новая группировка имен существительных по признаку грамматического рода.

Анализ системы склонения имен существительных позволяет говорить о том, что в Есиповской летописи как произведении официальном сохраняется в основных чертах система словоизменения, характерная для церковнославянского языка восточнославянской редакции. Наиболее показательными в этом плане являются окончания косвенных падежей множественного числа. Так, словоизменение существительных мужского и среднего рода в родительном падеже характеризуется преобладанием форм с нулевой флексией. Некоторые исследователи отмечают, что старые формы с нулевым окончанием воспринимаются как норма только для определенной структурно-семантической группы имен мужского рода со значением лица с суффиксом –ин: бояр, дворян.⁵ Другие расширяют эту группу до группы существительных со значением лица без дополнительных признаков.⁶ Данные летописи подтверждают эту мысль – большинство существительных мужского рода в родительном падеже множественного числа имеют нулевое окончание независимо от характера согласного основы /твердый или мягкий/, древнего типа основы или более детализированной семантики: о пришествии *казак* /51/, со многих *язык* /48/, избра не от славных *муж* /50/, *отец* своих предания держат /45/. Вместе с тем, флексия –ов, функционировавшая, по мнению А.И.Соболевского, уже с XI в. и со временем ставшая в русском языке основной, встречается в Есиповской летописи лишь в нескольких примерах: *воинов* /63/, *градов* /63/, *бухарцов* /63/, *сынов* /49/. Существительные среднего рода также сохраняют старое нулевое окончание: до *облак* /44/, от *телес* /54/, *имян* /47/. Подобную закономерность отметил А.А.Мирецкий при анализе текстов новгородской

деловой письменности XVII в., Р.Д.Шепелева - деловой письменности, летописей этого же периода, произведений Симеона Полоцкого.

Спорным исследователи считают вопрос о распространении флексий –ам, -ами, -ах дательного, творительного и местного падежей независимо от типа основы. Эта проблема разрабатывалась такими учеными, как И.В.Ягич, Л.А.Булаховский, Б.Унбегаун, С.И.Иорданиди, В.Б.Крысько, В.М.Марков и другими. Основной причиной появления новых окончаний считается следующая: процесс унификации непрямых падежей должна идти по образцу объединения прямых падежей, то есть по типу а-склонения как парадигмы, которая включает абсолютно идентичные формы двух грамматических родов – мужского и женского. Эту точку зрения разделяют А.И.Соболевский, А.А.Шахматов, Ю.П.Ульянов, Н.Ф.Молчанова. Однако языковой материал Есиповской летописи дает другую картину – унификационную функцию в дательном падеже выполняет не флексия –ам, а флексии –ом и –ем. Окончание –ом охватывает имена существительные мужского рода твердого типа: *казаком* /63/, *христианом* /48/, мягкого типа: *иудеом* /49/, среднего рода: *местом* /63/, *именом* /49/, женского рода на –а: по *главом* /42/. Окончание –ем встречаем у существительных мужского рода мягкого типа: *змием* /49/, женского рода i-основы: *заповедем* /48/, *волостем* /62/. При словоизменении существительных в местном падеже новую флексию –ах встречаем только для имен женского рода, по одному примеру – для имен мужского и среднего рода: на *псах* /45/, в *устях* /46/. Все другие существительные имеют флексию –ех: в *кустех* /62/, во *царех* /49/, *местех* /72/, *вещех* /42/. Некоторые исследователи, анализируя памятники письменности XI-XVII вв., также отмечают факт увеличения в XVII в. по сравнению с XII-XVI вв. форм со старыми флексиями.⁷ Подобный процесс наблюдается в памятниках деловой письменности, официальных текстах /Казанский летописец/, в текстах научного характера /Грамматика 1648 г./.

Наиболее консервативным оказывается творительный падеж – существительные в данном падеже сохраняют старые окончания. Существительные о- и и-основ имеют окончание –ы/-и: *умы свои* /63/, *мужи* /42/, *роды* /56/, *с товарищи* /56/.

Для имен женского рода i-основы используется флексия –ьми: *крепостьми* /52/, *напастьми* /49/. Флексия –ами выступает в творительном падеже у существительных женского рода на –а: *стопами* /60/, *судьбами* /44/, *птицами* /66/.

Тенденция к сохранению старой системы словоизменения сосуществует с процессом установления четкого размежевания имен существительных, обозначающих живых и неживых существ, о чем свидетельствует использование «винительного-родительного» для одушевленных существительных и «винительного-именительного»

для неодушевленных. Еще в древнерусском языке у существительных мужского рода о-основы в винительном падеже установилась омонимия с именительным падежом. Формирование общеродовой омонимии именительного и винительного падежей, сложившейся до XII в., обусловило, по мнению В.Б.Крысько и С.И.Иорданиди, развитие для одушевленных существительных новой формы «винительный-родительный» /около XVII в./.⁸ Традиционная точка зрения кратко сформулирована А.Тимберлейком: употребление родительного в качестве винительного у существительных мужского рода единственного числа, которые выступают в функции прямого объекта и обозначают взрослые живые существа, является преобладающим, хотя и не совсем последовательным.⁹ В Есиповской летописи формы «винительный-родительный» использованы для одушевленных существительных мужского рода о-основы, а также для слов, которые обозначают существ высшего порядка: *вооружи атамана /50/, уби царя /46/, уповаша на бога /53/, принесоша кумира /65/*. Влияние данной тенденции распространяется и на существительные других типов склонения мужского и женского рода: и-основы – *соблюде сына /46/*, i-основы – *не яст зверя /45/*, а-основы – *не яст птицы /45/*. Форма «винительный-родительный» функционирует при словоизменении неодушевленных существительных мужского рода о-, и-основ и основ на согласный: *созда град /46/, в дом /67/, бишася день /64/*.

Эта тенденция наблюдается и при склонении существительных во множественном числе. Для неодушевленных существительных мужского рода в «винительном-именительном» употребляется флексия –ы/-и: *принесоша дары /56/, поставиша дома /65/, оброки имаше /48/, обнажиша мечи /71/*. Для одушевленных существительных в летописи используется два типа флексий: «винительный-родительный» о-основ – *христиан взяти /65/* и «винительный родительный» и-основ – *привели иноземцов /57/*.

Как видим на примере системы словоизменения существительных, в Есиповской летописи Основной редакции и ее позднейших обработках прослеживается стремление автора к определенной унификации различных звеньев этой системы: с одной стороны, сохранение старой системы склонений, с другой – полностью сложившаяся категория одушевленности/неодушевленности.

Важный признак любого литературного языка – наличие сознательно устанавливаемых и поддерживаемых норм. В языке Есиповской летописи определенные нормы оказываются достаточно устойчивыми в системе глагольных форм. В первую очередь, это касается глагольных форм прошедшего времени. Статистический анализ глагольных форм по всем редакциям летописи свидетельствует

о полном сохранении сложной системы прошедших времен: тут встречаются аорист, имперфект, перфект со связкой и без связки. Наиболее употребительной формой в данном памятнике является аорист – около 80% от общего количества форм. Подобная тенденция наблюдалась учеными на примере памятников письменности XII-XVII вв. Так, В.В.Колесов объясняет это тем, что в отношении к выражению категории времени аорист на всем протяжении древнерусского периода остается единственной немотивированной формой времени и, следовательно, также и стилистически стабильной формой.¹⁰ Особенность функционирования аориста в Есиповской летописи состоит еще и в том, что он является не только основной /наибольшее количество форм/, но и универсальной /способность выражать все оттенки прошедшего времени/ формой прошедшего времени. В исследуемых текстах аорист выступает, с одной стороны, в собственном значении: По взятии же Сибири в 4 день *приде* во град /56/. С другой стороны, аористные формы могут обозначать и длительное действие – выступать в имперфектном значении: и *владе* много лет /47/. Встречаются случаи употребления аористных форм в перфектном значении, при этом показателем является сосуществование форм аориста с формами имперфекта: *живяше* в нем князь многа лета и *умре* /47/. Фиксируются случаи употребления аористных форм для обозначения давнопрошедшего действия /плюсквамперфектное значение/: *Преже сего како сия нарицашеся*, не *вем* /47/. По мнению С.Матхаузеровой, подобные формы свидетельствуют о размывании семантических границ между прошедшими сложными и аористом, о стяжении разнообразия временных форм до противопоставления аорист – имперфект. Формы аориста преобладают над другими формами прошедшего времени во всех редакциях летописи. Интересной особенностью функционирования аориста в различных редакциях является стремление к «правильности» употребления данной формы. Неверные формы аориста в единственном числе заменяются верными во множественном и наоборот. Таких исправлений больше всего в Абрамовском виде /14 и 6/, меньше всего в Титовском виде /1 и 2/, несмотря на то, что список создавался на рубеже XVII-XVIII вв.

В Есиповской летописи аорист остается основной формой в отрывках повествовательного характера благодаря особенностям своего грамматического значения - обозначение динамичности действия. Поскольку динамика действия лежит в основе сюжете произведения, имперфект, исполняющий роль статического фона, употребляется в летописи гораздо реже. В отличие от аориста, он чаще используется в собственном значении, то есть как форма, обозначающая неограниченную темпоральность в развертывании действия: *рыдаху* на мног час /61/, *живяше* в нем

князь лета многа /47/. Эта форма используется для обозначения отступлений от основного хода событий, при пояснении констатированного действия, при смысловых уточнениях: отпусти его по реце Иртишу, идеже *живяху* чудь /47/. Часто формы имперфекта в отрывках описательного характера приобретают значение настоящего времени: на сем же Камени *ростяху* дереве различное /44/, кровь *пияху*, яко воду, от животных /45/.

Наиболее яркой особенностью функционирования аориста и имперфекта в Есиповской летописи является употребление этих форм в формах 3 лица как единственного, так и множественного числа. С.П.Лопушанская объясняет факт «застывания» аориста и имперфекта в формах 3 лица функционированием простых претеритов во взаимодействии с другими глагольными формами – в период разрушения противопоставления аорист/имперфект и последовательного втягивания их в систему видового противопоставления. Результатом этого процесса становится унификация форм лица в пользу 3 лица.¹¹ Естественно также, подчеркивает В.В.Колесов, что повествовательный текст летописи требовал в первую очередь именно форм 3 лица – вероятность употребления глагольных форм определяется коммуникативным заданием в границах каждого отдельного памятника.

Анализ глагольных форм прошедшего времени в редакциях летописи свидетельствует о незначительном сокращении форм аориста и имперфекта. В Абрамовском виде таких исправлений 63, в Забелинской редакции – 54, в Лихачевской редакции – 52, в Титовском виде – всего 14. Аорист чаще всего заменяется перфектом без связки /формы на –л/, формами настоящего времени. Имперфект заменяется формами аориста, формами на –л. Как видим, количество изменений не зависит от времени создания редакции.

Таким образом, в Есиповской летописи, с одной стороны, сохраняется система форм, основанная на группировании имен существительных по типу основы, а не по признаку грамматического рода, и система глагольных форм, где преобладают формы аориста и имперфекта. С другой стороны, полностью сформирована категория одушевленности/неодушевленности существительных и стирается противопоставление аорист/имперфект.

Изучение именных и глагольных форм в различных редакциях Есиповской летописи позволяет говорить не просто о стремлении их создателей к сохранению языковых традиций, а, скорее, о вполне сознательной ориентации на определенных языковых уровнях на церковнославянскую языковую систему, что диктовалось литературными установками эпохи. Наличие новых и вариантных элементов системы

свидетельствует о реализации в летописях XVII в., по мнению М.Л.Ремневой, сниженной нормы церковнославянского языка русского извода. Исследование же Сибирских летописей, несомненно, открывает широкие возможности для более глубокого и детального анализа и разрешения этих проблем как для ученых-лингвистов, так и для студентов филологических факультетов.

¹ См. об истории создания Есиповской летописи: Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. – М., 1991. – С. 234; Порохова О.Г. Лексика сибирских летописей. – Л., 1967. – С. 6-7.

² ПСРЛ, Т. 36. Сибирские летописи. – М., 1987. Ссылки на примеры из этого издания в тексте в скобках.

³ Хабургаев Г.А., Рюмина О.Л. Глагольные формы в языке художественной литературы Московской Руси XVII в. // Филологические науки. – 1971, № 4. – С. 67-68.

⁴ Ремнева М.Л. История русского литературного языка. – М., 1995. – С.33.

⁵ Андреева Л.С. Формы имен существительных в дипломатической корреспонденции Московской Руси /на материале статейных списков XVI-XVII вв./ – АКД – Казань, 1969. – С. 16.

⁶ Измайлова Л.С. Именное склонение в «Хождении» игумена Даниила. – АКД - Л., 1966. – С.12.

⁷ Шепелева Р.Д. История флексий дательного, творительного и местного падежей множественного числа /по материалам письменности XI-XVII вв./ – АКД – Л., 1972. – С. 17.

⁸ Иорданиди С.И., Крысько В.Б. Древнерусские инновация во множественном числе именного склонения. // Вопросы языкознания. – М., 1995, № 4-5. – С.65.

⁹ Тимберлейк А. Вкусить от древа познания и убояться: вариативность в развитии винительно-родительного падежа /По поводу книги В.Б.Крысько «Развитие категории одушевленности в истории русского языка», М., 1994/ // Вопросы языкознания. – М., 1996, № 5. – С. 7.

¹⁰ Колесов В.В. Статистическое распределение глагольных форм в древнерусских источниках XI-XIV вв. // Структурная и прикладная лингвистика. – Л., 1987, вып. 3. – С. 120.

¹¹ Лопушанская С.П. Эволюция простых глагольных форм прошедшего времени в древнерусском книжном языке. – АДД – М., 1975. – С. 47.